

ПЕРВЫЙ В МИРЕ

Да, это действительно первый в мире — Московский театр — студия мимики и жеста. Первый, хотя мимическое искусство древне и популярно от времен публичных выступлений на площадках древнеримских городов до прославленного Марселя Марсо в наши дни.

Но Московский театр отнюдь не повторяет известное: в репертуаре нет пантомимы, его спектакли — совершенно новый, доселе невиданный жанр искусства.

В чем же его новизна и необычность?

Каждому доводилось наблюдать, как подвздожно лицо и отчетливы жесты у людей, с детства лишенных слуха и речи. Мимическая выразительность, четкость и многообразие нюансов жеста — это по-матерински щедрая компенсация природы. Тут нетрудно установить родство с искусством мима.

Любительский кружок в Москве

сделал попытку перенести это искусство на сцену. Попытка заинтересовала ведущих актеров театра имени Вахтангова, которые почувствовали, какие богатые возможности скрыты в мастерстве жеста и мимики. Не новый ли вид искусства заключен в нем?

Нашли энтузиасты, при театре создали экспериментальную группу, которая быстро выросла в самостоятельную студию.

Четыре года шла учеба. Учились и студийцы, и педагоги, далеко выходя за рамки обычного курса актерского мастерства. Самый принцип работы студия был совершенно новым, никем не опробован, потому что готовился спектакль, сдвигавший из двух начал: жест, мимику, движение, чувства передает один актер, а живое слово воспроизводит другой. Синхронность, абсолютная слитность двух компонентов — залог успеха,

малейший сдвиг в сторону, фальш, неточность — провал.

Четыре года учебы, тревог, поисков... Теперь позади не только выпускной спектакль, получивший высокую оценку самых взыскательных столичных критиков. Позади начало самостоятельной работы творческого коллектива под руководством главного режиссера В. Знамеровского, гастроли по Советскому Союзу, которые идут с неизменным успехом. На очереди — выезд за границу и открытие в Москве стационарного театра мимики и жеста.

Есть основание заявить, что и наш Куйбышев присоединился к поклонникам нового театра: спектакли московичей смотрятся с большим интересом.

Правда, не сразу свыкаешься с необычной формой представления, но вот уже Шекспир увлек искусным сплетением комедийной интри-

ги и романтических перипетий. Идет «Двенадцатая ночь»...

Бесчисленное множество раз появлялась эта комедия на сценах разных стран мира за 366 лет своего существования. Что можно добавить к бессмертию пьесы? Оказалось, можно, потому что мудрость шекспировского произведения неисчерпаема, как и возможности сценического воплощения его.

Мы увидели, как язык жеста передает волнующую историю спасения близнецов из морской пучины и борьбу за сердце прекрасной Оливии, как создается тем же приемом образы самовлюбленного глупца сэра Эндрию Эгъючника в ловкой пройдохе Марии, бесшабашного гуляки сэра Тоби Балда и находчивого остряка Феста. Мгновенно блеснувшей, как молния, мимикой говорившей так много, что кажется, и словами не выразишь.

Знаменитая сценка: сэр Тоби дурчит сэра Эндрию. Игра двух исполнителей — В. Бондова и В. Соколова — творческое соревнование. Поворот головы, постановка корпуса, замах рук, походка, прищуренный глаз или нахмуренная бровь — все из арсенала выразительных средств, которыми обрисованы герои пьесы, их характер, ход мыслей и намерения.

Мы можем, исходя только из этой сценки, дать подробное жизнеописание двух представителей английского дворянства конца XVI века. Впрочем, вряд ли следует эту сатиру ограничивать рамками ушедших времен. В. Бондов и В. Соколов вывели на сценические подмостки знайство, трусливую лживость, скудность впечатления для разоблачения их сегодня, сейчас: «пижонство» сэра Эндрию, пьяная бесшабашность сэра Тоби, увы, живучи, и борьба с ними продолжается.

Современное прочтение комедии Шекспира — характерная примета всего спектакля, созданного режиссерами Л. Калиновским и В. Щеголовым. Смешно, к примеру, Мальволио. Не раз он вытеснял своим комикованием по воле постановщиков

даже штатного шута Феста. В трактовке москвичей Мальволио приобрел новую идейную окраску. Не просто смешон дворецкий в ситуации, созданной потоком ради ловой выдумщицы Марией. Он смешон и опасен, этот слуга, уйма возможностей себя графом-калиф на час готов моментально использовать свою власть для расправы с завистниками. Реализует замысел режиссера, артист В. Чебышев насыщает свой жест силой сатирического разоблачения.

Целый шекспировский спектакль на языке жестов и мимики мы видим впервые, и такой спектакль тем более интересен, что этот «язык» не вытеснил шекспировское слово. Он звучит, шекспировский прекрасный диалог, звучит в полном и точном соответствии с жестом и мимикой, движением и чувством. Но на этом спектакле слово звучит не со сцены, а из-за сцены, точнее говоря, из оркестровой ямы. Там, рядом с небольшим оркестром разместились еще два участника спектакля — актеры-дикторы И. Тимошевская и Ю. Михайлов.

Эти актеры выступают подлинными новаторами в новом и сложнейшем театральном действии. И. Тимошевская и Ю. Михайлов вдвоем играют за дюжину персонажей пьесы. И дело не в том, что для каждого из этих персонажей найден свой особый голос. Главное — в той эмоциональной слитности, в том органическом сопереживании, которое объединяет в единый сценический образ актера, действующего на подмостках, и его «говорящего» двойника. И ни одной «накладки», убедительно, впечатляюще ярко!

Да, новый вид театрального искусства открыли москвичи, открыли и утверждают вдохновенно, предано на лучших образцах классической и советской драматургии. Каждый спектакль — шаг по неизведанному пути. В этом трудность, в этом и заслуга молодого коллектива Московского театра мимики и жеста.